

Денискова Е. Экзистенциальные искания на тему «контакт» и «диалог» в контексте отчужденного существования // Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия №1 (20), 2012, С. 120-130

http://journal.existradi.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=921:-qq-qq-qq-qq-&catid=92:-20-2012&Itemid=59

Экзистенциальные искания на тему "контакт" и "диалог" ("контакт" и "диалог" в контексте отчужденного существования)

«Встречи не складываются в упорядоченный мир, но для тебя каждая встреча — знак мирового порядка... Между тобой и настоящим — обоюдность деяния; ты говоришь ему Ты и предаешься ему, оно говорит тебе Ты и предается тебе. Относительно такого мира ты не можешь прийти к пониманию с другими, с ним ты один на один; но он учит тебя встречать других и уметь устоять во встрече...»

Мартин Бубер

Отчужденное существование

Если экзистенциалисту предложить поразмышлять на тему «контакт» и «диалог», то размышления начнутся со своего существования в целом, с ответа на вопрос: «Как живется, как живем, ребята?!»

Александр Ефимович Алексейчик попросил написать о своих душевных не-до-моганиях. Владимир Семенович Высоцкий поет: «Смешно, не правда ли — смешно, когда секунд не-до-с-тает, не-до-с-тающее звено и не-до-лет»; а в другом месте — еще пронзительнее — про «все не так, ребята».

О том, что что-то не так с нашим существованием, размышляли мыслители разных эпох и культур, как религиозные, так и светские. В современности, независимо друг от друга, предметом для своих размышлений это делали Гегель, Маркс и их последователи — размышляя об «отчужденном» существовании людей, Хайдеггер и его последователи — о «неаутентичном» существовании, Бубер и его последователи — о существовании «Я – Оно».

Понятие «отчуждение» вошло в философско-психологический лексикон во многом благодаря работам Гегеля и К. Маркса, в особенности — работе Маркса «Философско-экономические рукописи 1844 года», принадлежащей раннему периоду его творчества.

От-чужденное существование — такое существование, когда ты становишься чужим самому себе. Цепочка размышлений молодого Маркса примерно такая: как живем в современном мире — трудимся, а результаты труда нам не принадлежат, их использование от нас отделено, нам не подвластно (как, к примеру, атомная бомба от физиков, ее создавших и безуспешно пытавшихся остановить ее использование); наши способности и возможности, наши мечты и стремления мало кого интересуют — нас используют как рабочую силу, в соответствии с требованиями того рабочего места, на котором мы оказались, мы привыкаем к нереализованному своему существованию, и это сказывается в личной жизни, в сфере досуга...

Можно ли изменить такой характер своего существования? И если «да», то как?

К. Маркс считал, что изменить можно только глобально и за исторически долгий промежуток времени, и начинать надо с изменения отношений собственности.

Неомарксисты, и среди них, между прочим Я. Морено и Э. Фромм, искали иной, неглобальный путь преодоления отчуждения человека от самого себя и от других. Многие работы Э. Фромма

были продиктованы этим поиском («Бегство от свободы», «Человек для самого себя», «Искусство любить», «Человек одинок» и др.).

В мире, в котором мы сейчас живем, трудовая деятельность занимает центральное место в жизни людей. Чтобы выжить, необходимо работать. И не всегда там и где нравится, и делать не то, что хочется, а то, что от тебя требует работодатель. Безработица значительно усугубляет ситуацию. Людям приходится отказываться от любимой профессии, от дела, в котором наилучшим образом проявляются их способности, и идти работать туда, где хоть что-то можно заработать. Поступающих в вузы юношей и девушек родители ориентируют на «престижные» профессии, то есть те, где в будущем можно подороже себя «продать». Вуз и специальность «по душе» могут себе позволить единицы; а что уж говорить о стоимости образования вообще!

Факультеты «второго высшего» образования и институты переподготовки кадров переполнены. Работая несколько лет назад в таком институте, я часто сталкивалась с людьми, имеющими по два высших образования и пришедших получать третье — в надежде найти себе применение, быть востребованными. Многие мои знакомые, получившие, как и я, «непрестижное» гуманитарное образование, пошли переучиваться «более реальным» профессиям (бухгалтер, финансист). Кто знает, посчастливится ли им на этот раз?

Делая не то, что хочет, в чем его способности, а то, что вынужден — человек отчуждается от своего труда, делается ему чуждым (Маркс, 1955). Работа не дает сил, а отбирает их. Человек отрицает себя в таком труде, чувствует себя несчастным. Позитивная психотерапия и НЛП, которые так популярны среди бизнесменов и офисных работников, лишь усиливают отчуждение: тебе плохо, но ты улыбайся, пусть люди думают, что у тебя «все в порядке», а потом и сам поверишь в это. Или внуши себе, что ты «счастлив», и тогда можно ничего больше не менять в жизни... Постепенно это начинает разлагать изнутри.

Отбирая большую часть жизни человека, труд в современном обществе в конце концов превращает жизнь в товар. Живя в обществе, где твои таланты, способности — это только товар (а не дар), который нужно научиться продавать подороже, люди уже с детства перестают ценить себя и свою жизнь просто за то, что она у них есть, за то, что они есть. Их жизнь и они сами постоянно подгоняются под стандарты успешности. Дети с детства боятся стать «неудачниками», понимая под «удачей» исключительно материальное благополучие на зависть соседям.

Гуляя на детской площадке с моим маленьким сыном, я услышала, как мальчишки лет восьми-десяти обзывали друг друга «лузерами». Я спросила одного из них, знает ли он, что означает это слово. К моему удивлению, он не только знал значение этого слова, но и подробно описал портрет «неудачника»: «мужик, которого выгнали с работы, у которого нет машины, денег и которого бросила жена». Из его рассказа было понятно, что «лузером» быть неприлично, так же неприлично, как в моем (советском) детстве неприлично было быть ябедой, лгуном, тунеядцем. Родители, внушающие подобные мысли своим детям или не обращающие внимание на то, чем забита голова их ребенка и какие ценности у него формируются, сами не понимают, что готовят почву для будущих катастроф.

Когда отчужденный труд становится нормой, начинаются проблемы с самим собой, в частности в сфере досуга. Часто человек не знает, чем занять себя после работы. Этот вопрос, пожалуй, один из самых трудных не только среди взрослого населения, но и среди работающей и неработающей молодежи (чьи мечты о светлом будущем воплощают состоятельные родители или на них по каким-то причинам поставлен крест). Непонятно, чего же человек хочет на самом деле, что ему лично нужно (не из навязанного рекламой и модой, а из себя самого). То, что чувствует человек с отчужденным сознанием — это одиночество, замороченность, потерянности, запутанность в самом себе, скуку, обыденность своего существования. Чего хочу — не знаю, что знаю — не хочу.

Э. Фромм называет отчуждением такой способ жизни, когда человек становится чуждым самому себе: «Он как бы «отстраняется», отделяется от себя. Он перестает быть центром собственного мира, хозяином своих поступков; наоборот — эти поступки и их последствия подчиняют его себе, им он повинует и порой даже превращает их в некий культ...» (Фромм, 1966). Часто в такую жизнь «на помощь» приходят секс, алкоголь, наркотики, азартные игры, религиозный или политический фанатизм.

Отчужденному существованию не свойственны устойчивые интересы — скорее увлечения. Но даже увлечения быстро сменяют друг друга и не приносят удовольствия более-менее длительного. Радость как чувство, рождающееся из глубины души, в отличие от поверхностного удовольствия практически не доступна отчужденному от себя человеку. Именно поэтому люди с отчужденным сознанием часто среди прочего жалуются на то, что не могут радоваться жизни. Не редко в их рассказах о себе проскальзывает образ толстого звуконепроницаемого стекла между ними и миром. Их глухота к внешнему миру, глухота мира к ним, глухота к самим себе...

Все глубже внедряясь в жизнь, отчуждение нарушает межличностные отношения. Возникает отчуждение человека от человека. Если рассматривать отчуждение человека от человека, применяя терминологию М. Бубера, то человек, существующий отчужденно, воспринимает другого даже не как Оно. Потому что Оно по М. Буберу — это то, что можно как-то использовать, это то, по отношению к чему возможно наличие потребности в удовлетворении каких-либо желаний, нужд (Бубер, 1995). Иначе говоря, Оно можно как-либо «употребить». Человек с отчужденным сознанием не знает, чего он хочет в связи с собой. И так же он не знает, чего хочет в связи с другим человеком. Другой не может его удовлетворить, так как это в принципе невозможно. Что бы ни делал партнер в отношениях — он все делает «не так». Примеры тому — семьи, где люди годами мучают друг друга, не в состоянии удовлетворить, потому что не знают, чего хотят на самом деле друг от друга и зачем они друг другу нужны.

Отчужденный человек видит только искусственную оболочку обыденного мира, утрачивает связь с собой и другими, перестает понимать мир и себя. Искренняя любовь и искренняя ненависть, способность осознать свое трагическое одиночество и конечность существования недоступны отчужденному сознанию. Как у главного героя повести А. Камю «Посторонний», Мерсо, у отчужденного человека преобладает чисто внешнее дружелюбие и, еще более, внешняя порядочность, но под этой внешней видимостью скрывается замороженность чувств, равнодушие (Камю, 2000).

Работая с зависимыми от алкоголя и наркотиков, я обратила внимание на то, как проявляет себя отчужденность в области телесности. Казалось бы, самая сильная связь — связь с собственным телом, но при отчуждении и она нарушается, становится слабой. Глухота к жизненно важным потребностям тела лишает человека чувства подлинной жалости к своей физической оболочке, уважения к ней. Тело бесчувственно эксплуатируется для получения временного удовольствия. Когда оно страдает — вызывает лишь раздражение. Отчужденный человек редко отслеживает связь своего физического состояния и эмоционального (не говоря уже о духовном). На языке Л. Бинсвангера это означает нарушение, а иногда утрату связи между измерениями бытия (Бинсвангер, 1999, с. 336).

Расколотое существование «шизоида», по Р.Д. Лэнгу — одна из наиболее интенсивных форм отчуждения (Лэнг, 1995, с. 352).

Неизбежно ли отчужденное существование в современном мире?

В размышлениях знаменитого советского историка Михаила Гелфера о ГУЛаге есть наблюдение о том, что легче всего переносили заключение люди верующие, так как для них это все было просто очередное испытание, вызовы судьбы, выпавшие на их долю, дело обычное для верующего человека, и они учились переносить испытания достойно. Они жили неотчужденно. Тяжелее всего в заключении было коммунистам, оказавшимся среди тех, кого они считали «врагами», жившими отчужденно от своей участи.

Неотчужденную жизнь вели Н.К. Кольцов и его ученики-биологи: в голодном двадцатом году, в Питере, невзирая ни на какие превратности судьбы, невзирая на голод, холод, отсутствие финансирования, отсутствие заинтересованности каких-либо властей, они продолжали свои опыты над мухами-дрозофилами, опыты, приведшие к созданию мировой генетики.

Это было существование «несмотря на».

Восприятие обстоятельств жизни как вызовов судьбы оказывается возможным только для людей, несущих в себе развернутую картину представлений, отделяющих их от общества, умеющих интерпретировать происходящее с ними в соответствии с этими представлениями. Социум обычно

достаточно резко реагирует на наличие такого «underground», стремится уменьшить его влияние и всячески распространять представления, соответствующие, воспроизводящие отчужденную жизнь. Можно это выразить лозунгом: «Отчужденной жизни — отчужденное мировоззрение».

Встреча как неотчужденное существование

Возможно ли в современном мире не-от-чужденное со-существование людей?

Ответ экзистенциалиста — «да», но само возникновение феномена такого со-существования требует пристального всматривания. Феномен этот называют Встречей.

Отнюдь не каждый человек может появиться для нас в нашей жизни. Едем в автобусе — сколько людей рядом с нами?! Вошли ли они в нашу жизнь?

Каждая Встреча, в которой один человек входит в жизнь другого — редкость. А если при этом еще и второй вошел, стал персонажем жизни первого — то это совсем редкостное со-бытие.

Слово «встреча» этимологически связана, с одной стороны, со словацким «схватить», а с другой — с сербохорватским «счастье» (Фасмер, 1986). Получается встретить — это «схватить счастье», счастье познания другого, счастье бытия-в-месте... Во встрече ухватывается, становится доступным для осязания то, что обычно неосязуемо: ощущение единства, со-при-частности происходящему между двумя людьми.

Встреча есть появление другого человека в пространстве моей жизни. В каждодневном потоке лиц, мелькающих, проходящих, иногда останавливающихся, не проявленных для меня, не важных в моей жизни, вдруг кто-то может появиться для меня. Тогда я могу сказать: «Этот человек вошел в мою жизнь, стал своим».

Вот как вспоминает о своей Встрече с митрополитом Антонием Сурожским А.Е. Алексейчик: «У нас была встреча. Как врач бывает посредником между больным и болезнью, между больным и здоровьем... так он был моим посредником между мной душевным, духовным, мной поверхностным и мной глубинным, явным и тайным... Я не помню, когда встреча произошла впервые... Но мои ощущения, чувства, влечения, память, опыт, сознание, разум, воля ... начали становиться все богаче, душевнее... многомернее (прошое, настоящее, будущее, но и вечность...), действеннее, действительнее... как в профессиональном, так и в личном труде, так в том, что работой или трудом называть не хочется, в сотрудничестве, в творении, в бытии, в пребывании...» (Алексейчик, 2004).

Встреча есть встречаение, приближение, вхождение в жизнь друг друга. Когда люди становятся друг для друга Я – Ты. Когда Я – Оно заканчивается для двоих и начинается Я – Ты. «Я – Ты» — это целиком взаимные отношения, включающие в себя полное переживание другого. Они отличаются от эмпатии (рассмотрения в воображении ситуации с точки зрения другого), потому что это больше чем «Я», пытающееся отнестись к «другому». «Нет Я самого по себе, есть только Я основного слова Я – Ты и Я основного слова Я – Оно» (Бубер, 1995).

Экзистенциальная Встреча — это проявление движения души. Встреча предчувствуется, предвосхищается. Для нее характерен особый настрой на глубину и значимость происходящего между двумя людьми, существованиями. Что-то в человеке, в его жизни должно потрясти нас, поразить... Когда потеют руки, пробирает дрожь — возможна Встреча. Когда мы чрезмерно «заморачиваемся» собой — Встреча невозможна. Часто Встречу сопровождает чувство пронзительности происходящего, то, что дает желание разбираться с проблемами другого человека, нести его тяготы; так появляется Ты.

Зависит ли от нас, появится человек в нашей жизни или мы в его? И да, и нет. Зависит от нашего желания интересоваться не только собой. От нашей способности быть открытыми, непредвзятыми, способными к непосредственному восприятию собеседника и осознающими ограниченность своего опыта («опыт есть отдаление Ты», по М. Буберу), каким бы разнообразным и богатым он ни казался. Зависит от нашего терпения, смирения, умения надеяться и ждать.

Не зависит, поскольку мы не можем внушить собеседнику взаимность, желание познать нас, пойти навстречу, быть открытым и откровенным с нами. Манипулируя, принуждая, мы не можем «рассчитывать» на Встречу. Образно выражаясь, когда марево развеется, ты обнаружишь рядом с собой абсолютно чужого человека и ушедшее, как вода в песок, время жизни рядом с ним. Да и во всевозможных тренингах манипуляций, тренингах соблазнения на Встречу и не замахиваются. Встреча — это когда человек свободно выбирает быть в жизни другого. Там где нет свободы выбора — нет Встречи.

Размышления о контакте и диалоге в контексте отчужденного существования

Контрастом, если не полной противоположностью Встречи представляются такие формы человеческого общения, как «контакт» и «диалог», а точнее то, что подразумевается в сегодняшней практической психологии под этими понятиями.

Когда говорят о психологическом контакте, почти всегда рядом существуют глаголы «установить», «создать»: «создать психологический контакт», «установить контакт», «создать условия для психологического контакта». Это подразумевает активную позицию того, кто более заинтересован в контакте. Здесь уже имеется как минимум два основания для манипуляции: заинтересованность (предвзятость, расчет, умысел) — то есть вниманием человека хотят завладеть с какой-то целью — и активные действия — использование различных уловок с целью завладеть вниманием. Если говорить об активности во Встрече в противовес активности «установления контакта», то речь может быть лишь о внутренней активности субъекта, о напряженном вслушивании, вчувствовании в Другого.

В психологии и психотерапии манипуляция означает «управление». Манипуляция в общении подразумевает, что человек, которым управляют, занимает пассивную, безвольную позицию, что его сознание не сопротивляется, что он — объект. Из чего можно сделать вывод, что человек, сознанием и поступками которого манипулирует другой человек, либо глубоко отчужден и не чувствует, что на него оказывают воздействие, либо очень глуп, либо искусно обманут, одурочен. Рассматривая человеческое общение таким образом (литература по психологии и многим направлениям психотерапии напичкана всевозможными «как завоевать...», «как оказывать влияние...», «как подчинить...», «как соблазнить...», «как внушить...» и т.д.), самые гуманные области человеческого знания и опыта ставят антигуманные цели и пользуются антигуманными средствами.

Не важно, с какой целью «устанавливают контакт» — создание ли рапорта или другая суггестия, — важно то, что партнер по общению при этом не воспринимается как равный, как себе подобный. Не уважаются его свобода выбора, его самобытность, его право быть не таким, каким его хотят видеть другие и т.д. Почувствуйте, насколько это далеко от подлинного значения латинского *contactus* — прикосновение (Фасмер, 1986). Контакт-прикосновение — это предшественник Встречи, ее предчувствие. Вспомните, как совсем маленькие дети или слепые люди осязают предметы, прежде чем понять, хотят ли с ними взаимодействовать дальше или нет; то это, что они искали, или не то. Искать свое — вот в чем изначальный смысл контакта-прикосновения.

К контакту можно быть готовым или не готовым, он может произойти или не произойти, к нему можно побудить, даже подтолкнуть. Контакт возникает. В нем можно пребывать. Но в него нельзя вступить, так как вступают в то, что уже есть; контакт — это обоюдная реальность. Не может быть такого, чтобы один находился в контакте, а другой нет. Контакт нельзя построить, установить, выстроить, потому что движения человеческой души невозможно спроектировать. «Между Я и Ты нет никакой цели... Всякое средство есть препятствие. Лишь там, где все средства упразднены, происходит встреча» (Бубер, 1995). Любые попытки что-то построить, предопределить в человеческих отношениях немедленно помещают человека и его отношения в каузальный мир. Бубер полагал, что отношение Я – Ты свободно от «цепей каузальности». «Как только небо Ты открывается над моей головой, цепи каузальности падают к моим ногам» (Бубер, 1995). Однако нельзя отрицать, что существуют более и менее благоприятные условия для возникновения контакта между людьми. Условия можно попытаться создать, но они не являются гарантом будущего контакта.

Согласно М. Буберу, существует внутренняя пропасть между нашими понятиями и категориями и основным человеческим опытом, который они должны выражать. Как писал Эрих Мария Рильке (любимый поэт Бубера): «...Нам вовсе не так уж уютно в мире значений и знаков» (Рильке, 1994, с. 254). Пожалуй, в психологической литературе, где речь идет об «установлении» или

«создании» контакта, перед словом «контакт» стоит добавлять уточнение — «так называемый». Или вообще заменить его каким-нибудь другим словом, чтобы не вводить читателей в заблуждение.

Феноменология диалога, так же как и феноменология контакта, достаточно многообразна. И так же как значение понятия «контакт» — значение понятия «диалог» в современном лексиконе отчужденного существования с трудом отражает свое содержание.

Сейчас все больше говорят о диалоге с приставкой «эффективный». Причем говорят на совершенно разных уровнях: политика, культура, религия... И учит их всех, как ни странно, психология. Понять внешний мир можно, но тот способ общения, который хорош на социальном уровне бытия, совершенно неуместен и порой трагичен на личном. Говорить о диалоге между людьми, употребляя при этом прилагательное «эффективный» по меньшей мере не корректно по отношению к самому понятию «диалог», поскольку оценка эффективности человеческих отношений требует соответствующего критерия. Когда диалог понимается как средство достижения какой-либо цели (договориться о чем-то, убедить в чем-то), то эффективность оправдана. Но если диалог — это структура бытия, форма человеческих отношений, а общение, имеющее целью выразить и закрепить свои интересы — это что-то совсем другое? Что тогда? Каков тогда будет критерий эффективности и будет ли он вообще? Может быть, во многом проблема непонимания человека человеком в том, что мы невнимательно относимся к словам, которые выбираем для обозначения наших чувств, выражения наших мыслей?

Бубер считал диалог возможностью для людей прояснить отношения друг с другом, с миром, с Богом, с самим собой. Метафорой диалога может быть игра в пинг-понг, задачей которой является как можно дольше держать шар в игре. Если сравнить игру с диалогом, а шар для пинг-понга с контактом, то контакт необходим для продолжения диалога. Но, если цель игры в пинг-понг (как и любой игры) — выиграть (в пинг-понге — дать противнику как можно больше таких подач, которые он не смог бы отбить), то цель диалога — прийти к пониманию. Диалог — это не борьба мнений, не доказательство своей истины путем попрания истины собеседника — это совместный поиск истины, своей и общей. Диалог — это поиск. Поиск таких путей беседы, которыми бы участники диалога смогли достичь понимания или взаимопонимания либо для них открылось новое общее видение какой-то части реальности их жизни.

Согласно Бахтину, диалог — это способ взаимодействия сознаний. «Актуальный смысл принадлежит не одному (одинокому) смыслу, а только двум встретившимся и соприкоснувшимся смыслам. Не может быть «смысла в себе» — он существует только для другого смысла, то есть существует только вместе с ним» (Бахтин, 1979, с. 229). Сознание другого человека, согласно Бахтину, нельзя созерцать, анализировать, определять как вещь — с ним можно только диалогически общаться.

Диалог начинается с вопрошания, с вопроса. Не получится диалога, если у собеседников (у одного или у обоих) нет вопросов или есть заранее заготовленные ответы. В отчужденном существовании люди не склонны интересоваться собеседником и его мнением, напротив, они склонны навязывать свое мнение, внушать. Это прослеживается не только в человеческом диалоге, но и в так называемом диалоге культур, религий... психотерапевтических направлений. Каждый, у кого не получается диалог с партнером по общению, может спросить себя: «А есть ли у меня вопросы к моему собеседнику? Или я и так все знаю...».

В тезисах своего доклада «Восточная и Западная психотерапия в начале XXI века», подготовленного к Венской конференции ЕАП, А.Е. Алексейчик определил основную причину отсутствия реального диалога между психотерапией Востока и Запада так: «... Недостаток взаимного доброжелательного внимания Востока и Запада друг к другу. «Попытки колонизации». Очень редко западные коллеги являются к нам, чтобы спрашивать и слушать. Они — говорят. Редко пытаются увидеть наше. Они показывают — свое. Еще реже — делают наше дело». (Алексейчик, 2009) Кого из наших мастеров психотерапии приглашают показать свою работу на Западе? А кто из западных коллег хотел или хотя бы пытался хотеть ехать учиться к нам? Разве у нас нечему поучиться? Было бы неплохо, если бы наши люди искали свое, пытались устанавливать контакт со своей культурой, своими традициями, пытались понять свои корни, осмыслить свою историю. Было бы неплохо, если бы те из наших коллег, кто учился и выучился тем направлениям психотерапии, которые взошли на иной культурной почве, вспоминали, откуда они родом.

В шестидесятые годы прошлого века знаменитый французский философ Жак Эллюль обрисовал такое явление, как становление глобальной технической цивилизации, стирающей на своем пути всякие культурные особенности; он назвал это явление «вестернизацией» (Эллюль, 2003, с. 432). Описания Эллюлем этой цивилизации очень напоминают описания общества отчужденного существования. И когда тот или иной подход в психотерапии становится универсальным лекарством, техническим средством для помощи всем и вся, когда его носители считают, что осуществляют «великую культурегерскую миссию», игнорируя культурные особенности «туземного населения», то независимо от того, какими бы большими гуманистами эти носители себя сами не считали, — ни о каком диалоге не может идти никакой речи. ВЕСТЕРНИЗАЦИЯ ДИАЛОГА НЕ ПРЕДПОЛАГАЕТ.

Как справедливо отмечает В.С. Библер, диалогом не является не только захватническое «обращение в свою веру», но и пассивное поддакивание и уподобление другому (Библер, 1989). Открытость и подлинный интерес друг к другу — то, что составляет сущность диалога — дают обеим сторонам свободу творить свою судьбу и свою историю, опираясь на результаты взаимного обмена и взаимной релятивизации изначально казавшихся абсолютными норм и смыслов.

Люди, как и культуры, могут дополнить и наполнить друг друга только когда они находятся в диалоге. Когда они интересны друг другу.

Вопросы требуют ответов, ответы — размышлений. В этом смысле экзистенциализм учит человека задавать вопросы: собеседнику, жизни, Богу, самому себе. И отвечать на поставленные перед ним вопросы.